

ФАНТАСОФИЯ

литературный альманах

Выпуск №3

Андеграунд & Эротика

Коллектив авторов
Эдуард Байков
Фантасофия. Выпуск 3.
Андеграунд и Эротика

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6559974

Аннотация

Третий выпуск альманаха «Фантасофия» составлен на основе произведений малой литературной формы – рассказов и стихотворений писателей Республики Башкортостан, работающих в жанрах авангардной беллетристики и поэзии: символизм, экспрессионизм, куртуазная лирика и проза.

Содержание

Эдуард Байков	5
Эдуард Байков	15
Анна Ливич	19
Вакханка	19
Тайна порока	21
Я подарю себе любовь...	22
Две тысячи лет...	24
Любовница	25
Нервы	26
Современное	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Эдуард Байков

Фантасофия. Выпуск 3.

Андеграунд и Эротика

© Э.А. Байков, 2004

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Эдуард Байков

Zorra

Широкий подоконник был заставлен разнокалиберными горшочками, горшками и кашпо с комнатными растениями – преобладали традесканция, герань, бегония, кактус. Отдельно над всеми возвышалось лимонное деревцо в кадке.

Рита стояла на кухне возле стола и резала овощи на салат. Затем ссыпала их в большую миску, заправила подсолнечным маслом, перемешала. Оглянулась на растения и улыбнулась, убрав прядь со лба. За окном уже вовсю жарило июньское утреннее солнце.

Брат подъехал в инвалидной коляске, как всегда хмурый и небритый. Grimаса недовольства застыла на его лице, въелась в кожу и лицевые мускулы, изогнула презрительной тетивой рот с тонкими губами. Впалые щеки, лихорадочный блеск больших глаз, залысины на лбу, высохшие ноги, но еще крепкий торс и сильные руки.

– Чего у нас на завтрак, – буркнул он, – опять травой кормишь?

– Есть колбаска, – защebetала Рита, – сейчас порежу.

Брат смотрел на суету сестры и мечтательно закатил глаза:

– Вот, когда мама была жива, какие отбивные готовила! А котлеты, бифштексы, тефтели у ней получались – просто

объединение...

– Куплю на днях хорошего мяса и приготовлю тебе антрекоты или лангеты. А то и прорублю – пельменями побалую.

– Ты побалуешь, – хмуро пробормотал брат.

Рита не обижалась, знала – братишка любит ее и ценит заботу о нем. С детства за нее горой стоял – и перед своими и перед чужаками. Всегда заступался, оберегал, помогал. Так и росли. А потом... Мама заболела раком и за какой-то месяц угасла. Отец, и до этого любивший прикладываться к бутылке, тут совсем запил с горя. Однажды, зимой поехал к свояку в деревню. Там, как водится, крепко выпили, батя разругался отчего-то с родственником и на ночь глядя, вдрызг пьяный, поперся на станцию. В разыгравшемся бурене сбился с пути, заблудился и свалился спяну в сугроб. Утром нашли окоченевший труп.

Старший брат Артем к тому времени служил в десантуре, в треклятой Чечне. Там его и ранило осколком снаряда в спину, да так, что остался инвалидом, прикованным на всю жизнь к коляске, да к постели на полу. Пенсия его – чепуха, если бы не Ритка, с голоду бы померли.

Артем терзался, что висит на шее у младшей сестренки – Рита ведь не дура, все замечает. Но помалкивала. Ничего, свыкнется, раз уж доля такая выпала.

Артем без аппетита жевал колбасу, вяло ковырял вилкой в тарелке.

– Эх, вмазать бы с утречка грамм двести, – с тоскою про-

изнес он.

– Я тебе выпью, – нахмурилась сестра.

Сама не употребляла и ему не позволяла. Вон, соседский калека Василий – большой любитель был до «кира», ну и помер от этого. Да и пример бати налицо. Нет уж, они с братом будут жить как люди, а не как изгои.

В это время, на другом конце города Маша кормила детей – пятилетнего Владика и трехлетнюю Настю. Те не слушались, баловались за столом. И так каждое утро перед тем, как пойти в детский садик. Благо сад тот располагался неподалеку, в тенистом дворике, да и плата за него оставалась пока еще относительно приемлемой. Как не хотелось отдавать детей в детсад, но выхода не было – ее родители в другом городе, а свекровь сама вся больная, ладно хоть на выходные к той выбираютя втроем.

Одно время жили гладко, еще когда Сёма, муж, был жив. Деньгу он зашибал хорошую, все-таки дальнобойщиком вкалывал. Она, эта работа треклятая, будь она неладна, и погубила ее соколика. Где-то на трассе напали на фуру какие-то отморозки, распотрошили, умыкнув весь груз. А перед тем отметили водителей почему зря – напарник выжил, а Семю обрядили в белые одежды, положили в домовину и снесли на погост.

С тех пор все и пошло кувырком. Но Маша крепилась, на ней две живые души, родные кровиночки, плоть от плоти ее и Сёмы.

Тем же вечером на оживленном пяточке проспекта, у гостиницы «Центральная» тусовались проститутки, завлекая клиентов до предела оголенными ногами, глубокими вырезами блузок, под которыми не наблюдалось бюстгалтеров, и ярким макияжем.

Восемнадцатилетняя Рита в короткой юбочке, колготках из лайкры и тонкой маечке прохаживалась по кромке тротуара. Рядом курила длинную сигарету, выпуская дым колечками, тридцатилетняя Маша, разукрашенная с помощью косметики под женщину-вампи. Она была облачена в обтягивающие стройные бедра и тугие ягодицы брючки и блузку с декольте, сквозь которую, как и у напарницы, вызывающе просвечивали темные соски. Неподалеку маячили их товарки.

На клиентов Рита реагировала как-то избирательно. За то время пока девчонки «снимались», к ней, державшейся несколько особняком, подруливали уже три машины. Наклонившись к окошку и коротко переговорив, юная путана отрицательно качала головой и отходила.

Подъехало такси, на пассажирском сидении развалился плотный мужичок с лоснящейся от сытой жизни физиономией. Приоткрыл дверцу, с веселым выражением загорелого лица подозвал девчонку. Рита безошибочно угадала в нем приезжего и разом переменялась. Вихляя бедрами, прибли-

зилась, наклонилась, демонстрируя две крепкие, выпирающие из-под майки груди.

– Я тут проездом, – доверчиво сообщил о себе клиент, – сегодня последний день командировки. Не составите мне компанию на вечер... и на ночь?

Рита, улыбаясь, ласково смотрела на него.

– С удовольствием, – она оглянулась на свою подругу – так тому времени переместилась поближе к машине.

– Можем скрасить время вдвоем, – предложила очаровательная ночная бабочка, кивая в сторону Маши.

– Пожалуй, вдвоем лучше, – клиент лыбился – рот до ушей.

– А где вы остановились?

Тот назвал гостиницу. Рита многозначительно переглянулась с напарницей. Та еле заметно кивнула.

– Что ж, едем, – девушка вспорхнула на сиденье к обрадованному покупателю.

Через десять минут такс подкатило к четырехэтажному зданию, вывеска на котором гласила: «Гостиница «Южная», и рядом: «Hotel «Southern». Поднялись на второй этаж, вошли в номер. Клиент всю дорогу пялился на девушку, треща без умолку о своей работе, о деловых поездках, об их городе, не преминув упомянуть и о красоте здешних дам.

В номере он взял быка за рога, сразу предложив принять совместный душ. Рита усмехнулась – изголодался видать мужик по женской плоти.

– Может, для начала выпьем, расслабимся, – невинно предложила она.

Тот без разговоров открыл холодильник, достал бутылку шампанского, водрузил ее на столик, присовокупил коробку конфет, добавил вазу с фруктами.

– Пожалуй, все же залезу под душ, – заявил хозяин номера, – жарится сегодня, весь пропотел за день.

– Ты как хочешь, – промурлыкала гейша, – а я выпью.

Пока он плескался, она налила себе в фужер сладкого шампанского, пригубила. Клиент появился в халате, взял яблоко, надкусил и принялся заигрывать с девицей. Разговор принял шуточный оборот.

Виталий Николаевич Вяземцев, занимавший пост зам директора строительной фирмы, занимался вопросами снабжения, переговоров и поставок оборудования. Часто выезжал в служебные командировки в разные города России, СНГ, а то и за границу – к деловым партнерам в Восточной Европе и Скандинавии.

Девчонка эта ему глянулась сразу. Он ведь сам-то из деревенских, пообтесался малость в городе – отслужив в армии, закончил строительный факультет нефтяного института, работал на стройках, а после убийства советского социализма пристроился в фирму. С тех пор там и работал, поднявшись с должности прораба до зама генерального. Рита напоминала ему первую сельскую любовь – типичная русская красавица с русой косой, наивными голубыми глазами, стройной

фигурой.

Впрочем, она показалась ему до невероятности глупой и легкомысленной. Вот и сейчас он принялся грубовато шутить с ней, постепенно переводя разговор на интересующую тему. Рассматривая ее хорошо развитую грудь – тонкая маечка совсем не скрывала ее, лишь еще пуще подчеркивая совершенную форму, – ее круглые коленки, узкую талию, переходящую в широкую попу, он почувствовал неистовое влечение.

Вяземцев приблизился к ней. Приподнял девушку, прижал к себе, затем приник к ее теплым губам. Рита стянула маечку, выпростав наружу тугие сиськи, одним движением сбросила юбку к ногам, освободилась от стрингов.

Задыхаясь от страсти, мужчина присосался к тугой горошине соска. Затем отстранился, откровенно любуясь красотой обнаженного юного тела. Скинул халат, демонстрируя вздыбленный член. Девица одобрительно хихикнула:

– Какой он у тебя большой! – и обхватила член руками.

Вяземцев снисходительно ухмыльнулся: какая же она неопытная дура, если полагает, что вся соль в размере, не понимая, что только изощренность мужчины может доставить удовольствие партнерше, а вовсе не длина или толщина хрена. Неожиданно на него нашло шутливое настроение, и вслух он произнес совсем другое:

– Ах ты, глупая курочка, разве не видишь, что мой петушок так и просится к тебе?

– Так пусть же скорее войдет в курятник, – глаза девушки заблестели.

Так и есть – безмозглая курица, – решил он. Даже не заикнулась о предварительных ласках. Впрочем, подумалось ему, может она слишком легковозбудимая натура. И решив больше не ломать себе голову, он без лишних слов опрокинул ее на постель, перевернул набок и, приподняв верхнее бедро, вошел в нее сбоку и сзади, погружаясь в теплую и влажную глубину. В ответ она протяжно и сладостно застонала.

Вскоре они переменили позу. Рита встала на четвереньки, клиент покрыл ее сзади. Какое-то время в комнате были слышны лишь звуки мурлыкающей музыки. Внезапно девушка застонала, движения ее навстречу партнеру убыстрились, тело напряглось, выгнувшись дугой. В следующее мгновение она громко вскрикнула, разом обмякнув. Он же продолжал двигаться, вонзаясь в ее податливую плоть все глубже и размашистей, несколько раз выскальзывая из влажной щели, но тут же продолжая на мгновение прерванный акт. Затем и его начало «забирать», Вяземцев стал яростно, настойчиво долбить своим молотом, со шлепками стучаясь пахом об упругую мякоть ягодиц. Оба взмокшие, они продолжали совокупляться, находясь в каком-то трансе, отрешении от всего остального мира, сливаясь в едином ритме Вселенной, в древнем таинстве, акте воссоединения со своей изначальной сутью. Наконец, он почувствовал, как острая волна наслаждения накатывает на него, затуманивая рассу-

док, захлестывая и пронзая его насквозь, и он, уже не в силах сдержаться, громко закричал в экстазе взорвавшейся плоти.

Потом он направился в ванную подмыться, а она разлила шампанское по фужерам, сыпанув ему клофелина. Клиент, весь так и сияющий довольством, вышел из ванной, подсел к путане, выпил до дна, после чего вскоре вырубился.

Рита одним быстрым движением достала из сумочки мобильник, парой нажатий набрала номер сотового Маши. Отрывисто произнесла: «Готово. Жду». Принялась быстро одеваться, затем поставила бокалы в мойку, тщательно помыла, то же проделала с бутылкой. Натянула тонкие перчатки и начала шмон. Скорее появилась находившаяся неподалеку подруга.

Набили две спортивные сумки, обобрав хозяина до нитки. Оставили только документы, билеты на самолет, ключи и деловые бумаги. Принадлежащее гостинице имущество благоразумно не тронули. Осторожно выглянули из номера и, стараясь не попадаться на глаза охране, устремились порознь вниз, к выходу – Рита на лифте, Маша по лестнице. Навар в этот день, не считая вещичек, которые потом сбудут знакомому барыге, составил десять тысяч рублей и пятьсот долларов USA.

В ближайшие пару дней на пяточке проспекта возле гостиницы «Центральной», равно как и в районе гостиницы «Южная» не будет видно двух постоянных жриц любви, о которых известны лишь имена – Рита и Маша.

У них еще не было своего сутенера с «крышей», но вскоре появится. Их еще не возили на «субботники», но и этого им не избежать. И маньяки им до сих пор не попадались, да не все коту масленица...

Июль-август 2003 г.

Эдуард Байков

И лона зев...

Ресторанчик в заштатном городишке. Уставленный яствами стол. Обилие разносолов и закусок. И запотевший графинчик огненной воды. Мой спутник голоден. Этот Самсон готов выпить море и проглотить тучные стада. Холодный огонь льется в глотку, вкуси же Большой Белый Брат своего колдовского зелья, вождь краснокожих тебе нальет еще.

А этот молодой, накрахмаленный и нарумяненный, самоуслужение – старший официант, угодливо наклонившийся – чего еще желаете? Поманил пальцем – а как насчет... О, не извольте беспокоиться, всегда к Вашим услугам. Кого желаете? Я объяснил.

Мой товарищ, мой злой гений, моя Тень – он отяжелел от выпивки и еды, осоловело смотрит мимо меня. Что ж, ты свое получил, БББ, на большее тебя и не хватит! Вот и он, мой Арлекин, а с ним заказ. Вы пожелали двух. Мне и одной хватит. А как же?.. Это тебе, подарок. Ему не надо – косою взгляд в сторону пьяненького БББ, которого вот-вот сморит сытый сон. Увы, кельнер его не видит. Премного благодарен! Лицо у него как масляный блин. Уже пора, под закрытие Арлекин и привел их.

Мы танцуем с ней, ее глаза – синева неба, ее ресницы –

взмах крыльев бабочки. Она сама словно мотылек, легкая и изящная, порхает вокруг, щебечет пташкой – о, моя милая колибри! Как мне не хватало твоей нежности – неужели напускной? Даже коварная рысь не сможет так притворяться. А я простодушный – нет, желающий, тот, кто хочет верить.

Но вот все покровы сброшены, обнажив самую суть. Солнечным зайчиком, ласковым лучом хмельной взгляд скользит по вытянутой ложбинке позвоночника, узкой долине спины, спускаясь к белоснежным всхолмиям, и уже у подножия их виден колодец с живительной влагой. Усталый странник, настойчивый пилигрим, бредущий через пустыню одиночества, прикоснись же растрескавшимся губами к источнику наслаждения, к прохладному роднику в оазисе страсти. Там ты обнаружишь сказочный цветок любви, распускающий свои лепестки, благоухающий ароматом, на который неумоимо летят гудящие шмели, в надежде приникнуть и выпить желанный нектар – весь без остатка.

Море бушует, грозясь опрокинуть и потопить утлое суденышко, но вот долгожданный штиль. И вновь волнуется морская стихия, вздымая волны, подбрасывая тебя с твоим безумием вверх. Девятый вал – грозно вздыбился и не опадает, застыв.

Заскрипели цепи, мост поднят вертикалью, а за крепостной стеной виден высоко торчащий шпиль. Отряд готов к штурму цитадели, предводитель тверд как никогда в своих намерениях, а таран крепок и тяжел. Мы ринулись в атаку,

удар, еще один, и ворота подались под напором нападающих. Створки-лепестки распахнулись, и мы ворвались внутрь, где защитники твердыни встречают нас восторженными криками и со слезами радости на глазах. Мы тоже плачем, мы почти обезумели от счастья воссоединения.

Гигантский маятник, циклопических размеров маховик качается из стороны в сторону, шестерни крутятся, шатун и поршень двигаются в едином ритме, синхронно, в такт друг другу – это процесс вселенского движения взад-вперед, туда и обратно. Взрываются звезды и рождаются галактики. И не остановить, не остановиться хоть на мгновение, идет непрерывный отсчет. О, эта судьбоносная встреча во мгле суетного бытия!

Вздымаются остроконечные пики двух вершин, волнуется выгнутое плато равнины с ложбинкой внизу, а еще ниже – овраг, густо поросший растительностью. И лона зев. Как, вдруг, извержение вулкана, взрыв, потрясший земную твердь, потоки лавы, и жар, жар, сжигающий все вокруг. В тот же миг задрожала земля, заходила ходуном, и вырвался из ее недр протяжный стон. Забили ключи, омывая благодатными струями иссохшую почву.

Бог-Пуруша пахтал океан, и орошал Землю-Мать слезами-семенем, засевая ее с надеждой, что веселыми звездочками проклюнутся ростки. Так создавалась Вселенная. Я откидываюсь на бок, касаясь ладонью влажной теплоты. Она все еще трепещет и часто дышит – юная стройная лань с пре-

красными глазами. Утомленный ратник, доблестный витязь после битвы с драконом – упади на мягкую постель изумрудной травы и гляди, не мигая, в эту бездонную синеву небес. Ты выиграл бой, ты победил, чего же боле?! Твоя добыча, твой завоеванный в честном поединке трофей покоится рядом. Но знаешь ты, что обладаешь чудом лишь на краткий миг. И вновь одинок, шагаешь по пропыленным дорогам – твой товарищ не в счет, твое Альтер-Эго, которое не заметил розовощекий плут-официант. Он ведь не здешний, из мира грез и снов.

Я трясу БББ за плечо – пора, дорога ждет, труба зовет, вставай же, пьяный остолоп. Он встает нехотя, спросонья не понимая, где находится, проходит сквозь официанта-арлекина и стены заведения и ждет меня, зевая, на залитой солнечным утренним светом пустынной улице.

Еще долго я буду помнить. Ее глаза, словно бездонные колодца неба, ее ресницы, словно взмах крыльев бабочки, ее губы – два алых лепестка нежного бутона, ее голос – чарующее пение райских птиц и веселое журчание ручейка. Ее имя («Что мне в имени твоём?») – такое редкое, такое чудное, я шепчу с придыханием, содрогаясь от сладкой муки, в томной сладостной неге, выдыхаю прощально... Илона.

Июль 2003 г.

Анна Ливич
Из цикла «Я подарю
себе любовь...»

Вакханка

Хочешь, я станцую обнаженная
Танго на столе?
Пусть тает от стыда зажженная
Свечка в хрустале.
И волосы свои я длинные
Волною по плечам.
Дарить улыбочки невинные
Я буду скрипачам.
Вести я буду речи дерзкие
И кину пошлый анекдот.
И чьи-то рожи, нагло-мерзкие,
Оценят плоский мой живот,
Оценят ноги мои стройные,
Вот только грудь – не тот размер,
Чтоб вызвать взгляды непристойные
Или желанье, например.
Когда же этот пир закончится

И я устану танцевать,
Любимый, а тебе захочется
Меня единственной назвать?

Тайна порока

Робко глажу покатые плечи,
Бархат кожи ласкает мне пальцы.
Ты жалеешь горящие свечи,
Я ж прошу, надо мною ты сжался!
Дразнится локон пушистых волос,
Взгляд ироничен, полуулыбка,
Ты задаешь наивный вопрос,
То, что мы вместе, судьба иль ошибка?
Зачем? Посмотри, растворяются звезды,
Стыдливо луна облаками прикрылась.
Груды твои, как спелые гроздья,
Мышкойю сердце в груди притаилось.
Ты будешь сегодня наивною Евой,
Отведай же плод ты запретный и тайный,
Побудь роковою, невинною девой,
Моим вождельем желанным, случайным.
И я заплету в твои волосы мысли,
И я нашепчу тебе тайны порока.
Твои нежные руки безвольно повисли:
Зачем же дрожишь ты? Боишься? Ну что ты!

Я подарю себе любовь...

Я подарю себе любовь
В тиши ночной.
И буду думать вновь и вновь,
Что я с тобой.
И нежность пальцев, сладость слов,
Сиянье глаз...
Освобожусь я от оков —
Ненужных фраз.
Ведь все приемлемо вполне.
И тишина.
Купаюсь в пенистом вине
Одна.
И жду тебя, мой принц страстей
И сильных рук.
И все сжимается сильней
Порочный круг.
И мне нужна твоя любовь,
Томленье, страсть.
Играет молодая кровь:
Ты держишь власть
Над тишиной в слепой ночи
И над душой.
Я отдала тебе ключи:
Побудь со мной.
Я подарю СЕБЕ любовь

В тиши ночной.

Играет молодая кровь:

Ты только мой,

Ты – только мой...

Две тысячи лет...

Мы не были с тобою две тысячи лет,
Я забыла ласку твоих нежных губ...
Давай же выключим электрический свет,
Ты немного пьян и немного груб.
И я сброшу с плеч
Свой тонкий халат,
Пусть отражения свеч
Так стыдливо горят.
Своей дерзкой рукой
Зачеркну я все «нет»:
Я не была с тобой
Две тысячи лет.
И ты выпьешь со мной
Этот яд весь до дна,
А потом, под луной,
Мы, хмелея от сна,
Вдруг начнем понимать:
Новый день, новый свет

Разлучит нас опять
На две тысячи лет...

Любовница

Я – шальная цыганская дочь.
В кольцах длинные пальцы мои.
В эту лунную, летнюю ночь
Пусть охрипнут в кустах соловьи.
Я тебя украду у жены,
Будет счастье в бокалах играть.
И слепые росточки вины
Поцелуями буду срывать...
А жена, сидя ночь в тишине,
Будет плакать, меня проклинать.
Как положено верной жене,
Тебя будет с повинною ждать.
И понять ей, увы, не дано,
Что так глупо завидовать мне:
Пусть ты пьешь моей страсти вино,
Но твердишь о любимой жене.
Вновь останусь одна. Не беда.
И в людскую молву ты не верь.
Зачем думать, что будет тогда,
Когда тихо закроешь ты дверь...

Нервы

Нервы, всё просто нервы.
Ты уж прости и пойми.
Да, милый, ты не первый
В этом потоке любви.
Да, милый, хочешь чаю?
Свежего заварю.
В одиночестве я встречаю
Непроспавшуюся зарю.
Нет, милый, я не плачу,
Просто соринка, вот.
Я в жизни твоей что-то значу,
А, может, – наоборот?
Нет, милый, слов не надо.
Если уходишь, иди.
И снова лишь грусть и прохлада
Плечи обнимет мои.
Нервы, все просто нервы.
Сделан от скуки укол.
Да, милый, ты не первый,
Вчера вот один ушел...

Современное

Он был давним наркоманом.
Впрочем, нынче без изъянов
Нет людей.
Он еще курил махорку,
Раз в пять лет имел он ходку —
Был чуть-чуть разбойник-соловей.

Вот раз на свободу вышел,
А проблем вновь выше крыши.
Что же делать, черт возьми?!
«Эх, влюблю я дочку пана,
Ведь твердила в детстве мама,
Что нет равенства в любви!»

Сделал пирсинг он на члене.
И к мадемуазель Елене:
«На, любимая, смотри!
Так тебя иметь я буду,
Что завидно Голливуду
Станет, раз, два, три!»

Лена – девочка не дура,
У нее температура,
Когда рядом нету мужика.
Развалилася на кресле:

«Не болтай, милоч, а действуй,
А слабо, так, солнышко, пока!»

И пошла любовь такая,
Он на «Мерсе» разъезжает,
Всем твердит, что он – крутой мужик.
Стал он честным депутатом,
Леночки прикрыт мандатом,
И считать он деньги не привык.

Лишь одна беда-кручина:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.